

Елизавета Федоровна Литвинова
Софья Ковалевская. Женщина – математик
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175493

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Предисловие	5
Глава I	9
Глава II	19
Глава III	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Е. Ф. Литвинова
Софья Ковалевская.
Женщина – математик
Её жизнь и ученая деятельность

Биографический очерк Е. Ф. Литвиновой

С портретом Ковалевской, гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

В настоящем очерке мы предполагаем ознакомить читателей с жизнью и научной деятельностью Ковалевской. Во избежание недоразумения считаем нелишним сказать, что очерк этот предназначен для людей хотя и не обладающих никакими познаниями по высшей математике, но имеющих общее образование.

Само собой разумеется, что при составлении нашего очерка мы воспользовались всем напечатанным Ковалевской и о Ковалевской в русской и иностранной литературе; мы дополнили и осветили всё это тем, что нам известно из личного общения с нею и с близкими ей людьми. Большая часть материалов для биографии Ковалевской – это, разумеется, воспоминания о ней лиц, ее знавших, и ее собственные, признанные подлинно художественными автобиографические наброски. Мы с особенным вниманием остановились на них, на труде Леффлер «София Ковалевская» и на статье первого домашнего учителя Ковалевской, Малевича, напечатанной в «Русской старине» за 1890 год. Талантливая шведская писательница представила нашу знаменитую соотечественницу как живую со всеми ее крупными и мелкими индивидуальными особенностями. Такой способ изображения вполне уместен в воспоминаниях; в биографии же приходится отделять в личности всё главное, существенное от второстепенного и случайного. В противоположность г-же Леффлер мы стремились изобразить Ковалевскую такую, какою она была *главным образом*. К тому же воспоминания герцогини де Койянелло, бывшей Леффлер, относятся к одному периоду жизни Ковалевской – к последним годам; мы же проследили всю жизнь нашей знаменитой соотечественницы в ее *общих чертах*.

Иосиф Игнатьевич Малевич.

Воспоминания Малевича в высшей степени ценны потому, что бросают свет на условия первоначального образования Ковалевской и на ее занятия элементарной математикой в детстве и в юности – предмет, оставленный в стороне в автобиографии Ковалевской.

Занимаясь составлением биографий замечательных людей и изучая внимательно труды других, легко убеждаешься, что современники иначе смотрят на живших среди них выдающихся людей, чем грядущие поколения; время, уничтожающее все несущественное, условное, мелкое, очищает образ замечательного человека от клеветы и всякого пристрастия и делает его более простым и ясным. Имея это в виду, мы стремились в биографии Ковалевской по возможности удалиться от нашего времени.

Особенно важной и трудной представляется оценка научных заслуг Ковалевской, значение которых трудно выяснить для неспециалиста; поэтому приходится, как всегда в подоб-

ных случаях, ссылаться на мнения авторитетов и ограничиваться рассуждениями общего характера.

Между тем эти заслуги представляют глубокий интерес для всякого русского интеллигента; отрадно убедиться, что личность, жившая среди нас, разделявшая увлечения нашего времени, имевшая общие с нами интересы, заняла такое высокое положение среди самых выдающихся людей нашего времени и оставила неизгладимый след в науке. Между современными нам учеными Ковалевская имеет горячих поклонников, которые ее превозносят, и просто людей, отдающих ей справедливость; но есть и люди, старающиеся умалить ее заслуги. В год смерти Ковалевской Московское математическое общество напечатало совместный труд трех профессоров: Столетова, Некрасова и Жуковского, – посвященный оценке заслуг Ковалевской в области чистой и прикладной математики. Взгляды, высказанные в этой статье, вполне согласуются со мнениями западных ученых, беспристрастно относящихся к Ковалевской; в этих мнениях заключается, вероятно, истина, и мы считаем для себя обязательным не слишком уклоняться от них. Но заслуги Ковалевской так несомненны и бесспорны, что не нуждаются ни в каком их «раздувании». Говоря о деятельности Ковалевской, мы должны сказать несколько слов о той школе немецких математиков, к которой она принадлежала. Не преувеличивая значения этой школы, мы сошлемся в этом отношении на взгляды русского математика Васильева, высказанные им в статье «Роль Вейерштрасса в современной математике».

Софья Васильевна Ковалевская.

Глава I

Несколько слов о личностях, окружавших Ковалевскую в детстве; отец и мать. – Учитель Малевич; его педагогические воззрения. – Гувернантка-англичанка. – Дядя П. В. Корвин-Круковский. – Сестра Анна.

Софья Васильевна Ковалевская, урожденная Корвин-Круковская, родилась в Москве 3 января 1850 года. Она особенно дорожила первой частью своей двойной фамилии, о происхождении которой рассказывала следующую, переходящую из рода в род, легенду: дочь венгерского короля Матвея Корвина вышла замуж за польского магната Корвин-Круковского. Матвей Корвин, как известно, был не только великий воин, но также просвещенный покровитель наук, литературы и искусств. Президент Парижской Академии наук астроном и физик Жансен, упоминая об этом обстоятельстве в своей речи по случаю присуждения премии Ковалевской, сказал: «Очевидно, госпожа Ковалевская наследовала любовь к наукам и литературе от своего знаменитого предка, и мы поздравляем ее с этим».

Елизавета Федоровна Корвин-Круковская.

Нам известны и другие предки Ковалевской, от которых она с большой вероятностью могла наследовать свои таланты. Мать ее, Елизавета Федоровна Шуберт, была внучкой известного астронома Шуберта и дочерью талантливого генерала Шуберта, столетнюю годовщину рождения которого недавно праздновали академии наук и Генерального штаба. В семействе Корвин-Круковских часто и много говорилось об умственном сходстве будущего профессора математики Стокгольмского университета с дедом и прадедом со стороны матери Ковалевской. Прежде чем проследим шаг за шагом жизнь Ковалевской, мы познакомим читателя с главными лицами, среди которых прошли ее детство и юность.

М. М. Семевский в своих путевых очерках и набросках говорит:

«Дорога от Великих Лук до Невеля (Витебской губернии) чрезвычайно живописна; она тянется почти от Лук до первой станции Сеньково грядой холмов, по обеим сторонам которой лежат необозримые поля, рощицы молодняка леса на местах давно вырубленного бора, и то там, то здесь открываются зеркала озер... Шесть верст за станцией Сеньково, и у самой большой дороги, на холме, в тенистой рощице, подымается каменная часовенка, – здесь опочивают останки генерал-лейтенанта В. В. Корвин-Круковского и его жены Елизаветы Федоровны. Сухой по внешним своим формам, несколько надутый генеральством, старик Корвин-Круковский лег в могилу, как бы не якаясь с обыкновенными смертными, не на общем кладбище, а, как видите, особняком».

Василий Васильевич Корвин-Круковский.

Таково было общее впечатление, которое производил отец Ковалевской на всех знакомых. За последние годы своей жизни он, впрочем, сделался много доступнее. Однако и в моей памяти муж и жена Корвин-Круковские оставили резко противоположные воспоминания. Он – высокий, худой, мрачный, с темным цветом лица, с щетинистыми бровями; она – небольшого роста, довольно полная, со следами прекрасного цвета лица, тщательно, со вкусом одетая, предупредительная и приветливая со всеми, живая, веселая, несколько торопливая и в движениях, и в разговоре – одним словом, жена производила впечатление березовой рощицы, освещенной осенним солнцем, а муж – дремучего леса, в который страшно и заглянуть. По словам Ковалевской, в отце ее текла также цыганская кровь, потому что дед или прадед ее был женат на цыганке. Пылкие страсти, несомненно, жили в душе Круковского; он поздно женился и даже женатым очень сильно играл в карты и, по словам старой няни, так проигрался накануне рождения дочери своей Софьи, что пришлось заложить все женины брильянты. В то же время это был человек с умом, характером и сердцем; он глубоко и нежно любил жену и детей и серьезно заботился об их будущем. Вращаясь в высшем обществе, отец Ковалевской не мог не знать о предстоящей крестьянской реформе; он понял, какой переворот она должна произвести в экономическом положении помещиков, и решил,

что вести хозяйство спустя рукава будет уже невозможно. Это сознание заставило его круто изменить свои нравы и образ жизни; он поселился в своем имении и, неусыпно занимаясь делами и хозяйством, употреблял все зависящие от него средства дать своим детям хорошее, основательное образование. Кто знает, какие минуты борьбы и душевных страданий переживал этот замкнутый человек в своем уединенном кабинете, где он проводил большую часть дня! К жене своей, которая была много его моложе, он относился как к старшей дочери.

Ковалевская с большой нежностью описывает характер своего отца, у которого суровость была только наружная, напускная, развившаяся вследствие укоренившейся мысли, что мужчина должен быть суров. Мои собственные наблюдения подтверждают это замечание. В первое время нашего знакомства с Ковалевской, в Швейцарии, мы часто виделись; она с подругой своей Лермонтовой и с отцом жила в отеле, а мать ее помещалась у старшей дочери. Всякий раз генерал встречал меня очень сухо и при появлении моем уходил в свою комнату, но потом, прислушиваясь к нашему разговору, заражался нашей веселостью, появлялся снова и вместе с нами острил и смеялся. На следующий раз повторялась та же история. Но к большинству людей он всегда относился неизменно сухо, и мало кому удавалось видеть этот ходячий Finster-Horn¹ свободным от облаков. С большой вероятностью можно сказать, что любил он только своих близких и считал себя и их неизмеримо выше всех остальных смертных. Такая исключительная привязанность, пожалуй, даже нравилась близким (поэтому Ковалевская предпочитала отца матери). По словам первого учителя Ковалевской, Малевича, Корвин-Круковский любил математику, был сведущ в этом предмете и желал, чтобы любимая дочь его Софья также охотно ею занималась. Он служил в артиллерии и в Москве был одно время начальником арсенала. Дослужившись до чина генерал-лейтенанта, старик вышел в отставку и до конца жизни жил в деревне.

Мать Ковалевской была немка по рождению и воспитанию, но тяготела душой ко всему русскому. Оставаясь протестанткой, она выказывала большую симпатию к обрядам православной церкви, и дом ее во всех отношениях был поставлен на русскую ногу. В то же время ей навсегда остались чужды чисто русские нравы мужа и детей. У нее были более традиционные формы отношений к людям, меньше непосредственного и больше выработанного такта, чем у ее дочерей. Она также отличалась большой аккуратностью, всегда находила недостатки в их туалете и не раз говорила им: «Рядиться вы любите, а не смотрите за тем, чтобы у вас было всё необходимое». Приученная с детства внимательно относиться ко всем людям, начиная с собственной прислуги, мать Ковалевской возмущалась тем, что ее дочери не придавали значения важным, по ее мнению, мелочам. Например, она всегда волновалась, когда ее старшая дочь, несмотря на свою доброту и великодушие, нередко заставляла свою портниху слишком долго себя дожидаться. Вообще, Круковская была очень незаурядной женщиной и притом увлекающейся натурой; она страстно любила музыку и сама хорошо играла. Благодаря строгому немецкому воспитанию увлечения ее никогда не выходили из пределов долга и порядочности. Однако чисто немецкая жизнь, совершенно поглощающая женщину мелкими домашними интересами, была для нее невыносима; русские нравы во всяком случае представляли большой простор ее склонностям.

Из воспоминаний Ковалевской мы видим, что красивая и нарядная мама редко заглядывала в их детскую. Но это было, во-первых, общим явлением в то время; во-вторых, она была лютеранкой, а дети – православными: пришлось предоставить няне учить их молиться; потом, как увидим, воспитание их забрала в свои руки энергичная гувернантка.

Итак, семья отнимала мало времени у Корвин-Круковской; она в молодости много веселилась, а потом любила делать добро, помогать несчастным, и в воспоминаниях своих Малевич справедливо называет ее светлой личностью. Остается пожалеть, что такая мать

¹ буквально: мрачная горная вершина (нем.)

не принимала прямого участия в воспитании своих даровитых детей. Влияние в этом деле отца, как мы убедимся, было более активным.

От матери своей Ковалевская унаследовала миловидное лицо, средний рост и приятное, мягкое обращение со всеми; от отца – сосредоточенность мысли, глубину чувств и силу страстей.

Софья Васильевна в детстве.

Первые годы детства Ковалевской прошли под исключительным влиянием няни, которая, однако, настолько была похожа на всех других добрых нянь и имела так мало особенностей, что в воспоминаниях Ковалевской мы не встречаем даже ее *имени*, хотя о ней говорится много и с любовью. От няни воспитание и образование детей Корвин-Круковских перешло в руки домашнего учителя Малевича и гувернантки-англичанки, о которых мы теперь скажем несколько слов.

Сын мелкопоместного дворянина западных губерний, Иосиф Игнатьевич Малевич получил образование в высшем шестиклассном училище в местечке Креславке Витебской губернии. Он очень рано полюбил педагогическую деятельность и, выдержав установленный экзамен на звание домашнего учителя, всецело посвятил себя воспитанию и образованию юношей и девушек.

Знания его не могли отличаться обширностью, но то небольшое, чему его выучили, он, как видно, знал твердо и хорошо. На страницах «Русской старины» мы находим обстоятельный очерк его педагогических занятий в доме Корвин-Круковских за период десятилетия от 1858-го до 1868 года. По характеру своему Малевич не представлял собою ничего особенного, что было бы интересно описать; вот почему он не занял места в литературных воспоминаниях Ковалевской. Но в ее *биографии* нам придется восстановить право Малевича на одно из самых видных в ней мест. Он учил Ковалевскую целых десять лет. Эти же годы составляли четверть всей ее жизни. В доме Круковских Малевич держал себя как человек совсем маленький, старался всем угодить или по крайней мере никому не делал неприятного. Это был неизменный партнер генерала в карточной игре, молчаливый, почтительный обожатель генеральши. Он избегал столкновений с «характерной» англичанкой и не принимал участия в спорах. Уступчивый в мелочах жизни, Малевич беспрепятственно мог делать дело в то время, как другие спорили о словах. И когда *дело* касалось прямых интересов его питомцев, этот смирный человек был и храбр, и настойчив. Например, считая вредным продолжать домашнее образование своего ученика, сына Корвин-Круковского, он советовал поместить его непременно в одну из петербургских гимназий. Добросовестный, прямотдушный совет с указанием на несостоятельность домашнего воспитания мальчика не понравился отцу с матерью; однако вскоре родители последовали ему. Таково было влияние Малевича в доме Корвин-Круковских, где он держал себя тише воды, ниже травы.

Малевич нашел в доме Круковских простор и досуг для собственных занятий. Детей в семье было трое: старшая дочь была девушкой в возрасте и учению уделяла немного времени, а больше занималась чтением; младший сын был еще мал, и Малевич многие годы, строго говоря, занимался одною только Ковалевской. Он не терял времени и, пользуясь предоставленными ему средствами, следил за успехами педагогики. Живя в довольстве, в деревенской тиши, Малевич много размышлял о своем деле, обсуждал методы и, что самое главное, неуклонно чуждался рутины и шел вперед. Он говорит: «Остановиться на выработанном или довольствоваться сделанным – значит отстать от непрерывного движения человеческой мысли, а потому постоянное развитие и самосовершенствование в каждом деле, а тем более *учебном*, есть существенная необходимость. Да и в силах ли, в состоянии ли развивать своих питомцев тот, кто остановился в своем развитии...»

В свободное от занятий время Малевич был товарищем своей ученицы: болтал с нею о том о другом, часто детским наивным образом заставлял ученицу увлекаться и с удовольствием развивал перед нею свои взгляды и мнения о разных предметах.

Малевичу в то время было пятьдесят лет, но благодаря живому характеру и любви к детям он разделял с ученицей даже ее детские забавы: запускал при осеннем ветре огромного змея, играл в мячик – и тут же внимательно следил за нею, наблюдал и изучал ее сложный внутренний мир, задумываясь над ее будущностью. Он желал, чтобы судьба лишила ее избытка земных благ, чтобы она не пошла избитым путем других знатных и богатых девушек, а заняла бы высокое место в литературном мире; но в то же время тревожился, не слишком ли далеко зашли они в математике, и, чтобы успокоить себя, откровенно беседовал с отцом ученицы, высказывая опасения, что быстрые успехи в науках могут довести до результата противоположного ожидаемому, то есть она может пойти необычным путем. В то время женщины уже стремились к высшему образованию. И эта двойственность желаний является нам вполне понятной в Малевиче.

Малевич, конечно, знал, что жизнь людей, идущих торным путем, счастливее жизни личностей, пробивающих новую дорогу. Родители же и воспитатели всегда желают детям счастья прежде всего.

Но в то время, когда эти сомнения закрадывались в душу учителя, отец их не разделял; он гордился успехами в математике своей Софьи, но никогда ему не приходило в голову,

чтобы она ради математики отказалась от видного положения в свете, на которое могла рассчитывать по своей привлекательной наружности и блестящему уму.

Анна Васильевна Корвин-Круковская.

Предметом его горьких размышлений в то время была старшая дочь Анна, уже зараженная идеями, носившимися в воздухе. Это была тоже очень талантливая, многообещающая, живая натура; она имела большое влияние на развитие своей младшей сестры и на ее судьбу. Ковалевская, зная лучше всякого другого способности своей сестры, никогда не могла примириться с тем, что та не заняла в жизни подобающего ей места. И это произошло – с уверенностью можно сказать – только благодаря тому, что Анна Круковская получила воспитание совершенно отличное от того, которое выпало на долю младшей сестры. Она была царицей детских балов в Москве и Калуге в том возрасте, в котором сестра ее прилежно училась под руководством доброго, но взыскательного Малевича.

С раннего детства Анну приучали к лени и рассеянности; затем – уединенная жизнь в деревне, так плодотворно отозвавшаяся на развитии Софьи Круковской, – не принесла никакой пользы Анне, а только сделала из нее фантазерку, мечтательницу и лишила возможно-

сти в юности изучить жизнь. Отсутствие систематического образования и привычки к труду помешали ей приобрести высшее образование, а ее общее развитие и другие условия препятствовали ей быть просто счастливой. Смерть рано положила конец ее во всех отношениях неудачной жизни, но она останется жить в воспоминаниях своей знаменитой сестры, и ей также должно принадлежать видное место в биографии Ковалевской. Под влиянием старшей сестры у младшей развилась любовь к литературе, способность анализировать свой внутренний мир, глубоко задумываться над вопросами жизни. Вообще, можно сказать, что жизнь Ковалевской пошла бы иначе, если бы в нее не вмешалась слишком рано сестра.

Первой гувернанткой Круковских была француженка; она больше занималась с Анной и почти не имела отношения к младшим детям, воспитание которых вскоре было поручено заменившей ее англичанке.

Маргарита Францевна Смит.

Из рук няни Ковалевская попала в руки гувернантки-англичанки, Маргариты Францевны Смит. Эта типичная личность, преследуя вполне осязательные и определенные цели воспитания, несмотря на все неблагоприятные условия, оставила следы своего влияния в ее любимой питомице. Она оказала полезное противодействие совершенной распущенности физического и нравственного воспитания детей Корвин-Круковских. Однако глубоко кон-

сервативная, прямолинейная и ограниченная г-жа Смит едва ли могла понять чуткую организацию маленькой Софьи и безжалостно мяла ее в своих железных руках. Мне пришлось встретиться с нею лет через четырнадцать после того, как она оставила дом Корвин-Круковских, но и в то время Маргарита Францевна метала еще свои молниеносные взгляды и отличалась большой крепостью тела и духа; часто появляясь в доме Ковалевских, она требовала себе почета и вмешивалась в их дела больше, чем мягкая и уступчивая Корвин-Круковская. Когда у Ковалевских родилась дочь, г-жа Смит со свойственной ей энергией стремилась завладеть воспитанием этого ребенка, и вообще ей хотелось поставить дом Софьи на *порядочную* ногу.

Софья Васильевна.

Властная воспитательница Ковалевской, г-жа Смит, конечно, не имела никакого прямого влияния на ее умственное развитие; оно находилось в руках двух совершенно противоположных личностей: дяди ее Петра Васильевича Корвин-Круковского и домашнего учителя Малевича. Первый был человек не от мира сего, дилетант-самоучка, обладавший весьма разнообразными отрывочными познаниями; но энтузиаст, как нельзя более способный возбуждать интерес и развивать любознательность. Это был человек сильный физически, но кроткий и добрый, как дитя.

Из одного поверхностного знакомства с личностями, окружавшими Ковалевскую в детстве, можно составить себе понятие, что влияние их на впечатлительную девочку было в высшей степени разнообразным и послужило к развитию в ней самых противоположных сторон ума и характера. Мы увидим, что многосторонность действительно составляла всегда главную особенность Ковалевской. Но эта многосторонность не была следствием одного только сочетания счастливых внешних условий: Ковалевская наследовала от своих предков самые противоположные качества ума и характера; в ее жилах текла кровь русская, польская, немецкая и, наконец, цыганская.

Глава II

В Москве и в Калуге. – Первые воспоминания Ковалевской. – Первоначальное воспитание. – Русская няня и ее влияние. – Софья и Анна Корвин-Круковские. – Проявление сильной воли и любознательности в маленькой Софье.

Жизнь Ковалевской была недолгой; она скончалась на сорок втором году от рождения. Почти полжизни провела она в общей сложности за границей и погребена в Стокгольме. Многие, не знавшие ее близко, могут из этого заключить, что она мало жила русской жизнью. Такое предположение покажется еще более вероятным, если мы вспомним, что по матери Ковалевская была немецкого происхождения. Несмотря на это, она получила чисто русское воспитание и, находясь в Берлине, Париже, Ницце, Стокгольме, жила русскими интересами, думала, чувствовала и поступала по-русски. И, как мы знаем, всё это не помешало ей сделаться европейской знаменитостью.

Первые годы жизни Софьи Корвин-Круковской прошли в Москве под исключительным влиянием русской няни, которая без памяти ее любила и очень баловала. Самые ранние воспоминания замечательного ребенка, очевидно, связаны с Москвою; Ковалевская сама писала, что прежде всего помнит: «Гул колоколов. Запах кадила. Толпа народа выходит из церкви. Няня сводит меня за руку с паперти, бережно охраняя от толчков. „Не ушибите ребеночка!“ – умоляет она поминутно теснящихся вокруг людей...»

Эти первые отрывочные воспоминания состоят из отдельных и очень ярких картин. Последовательные воспоминания относятся уже к жизни в Калуге, куда перевели Корвин-Круковского по службе. Из этих воспоминаний вполне рисуется сама жизнь Корвин-Круковских в Калуге – тому, кто вообще знаком с образом жизни богатых людей в провинции в то время. Дети тогда не пользовались такими правами, какими они пользуются теперь; о гигиене и ее требованиях родители думали мало. Дети до известного возраста жили исключительно в детской, которая всегда помещалась наверху двухэтажного дома; в бельэтаже находились жилые комнаты для господ, а в нижнем были кухня и людские. Так жили и Корвин-Круковские. Ковалевская пишет: «Детская наша так и рисуется перед моими глазами. Большая, но низкая комната. Стоит няне стать на стул, и она свободно достанет рукой до потолка. Мы все трое спим в детской».

Нетрудно себе представить, какой воздух был в этой комнате, в которую гувернантка-француженка не могла войти без того, чтобы не поднести брезгливо платка к носу. Она умоляла няню отворять форточку, но няня не слушалась «басурманки», ни за что не соглашаясь «студить господских детей». Само собой разумеется, что няня не особенно тщательно и прибирала комнату; она даже не мыла как следует детей, а просто вытирала им лицо и руки мокрым полотенцем; не чесала их, а проводила гребнем по голове, надевала на них платица, в которых часто не хватало нескольких пуговиц.

Впоследствии Корвин-Круковская удивлялась неаккуратности своих обеих дочерей и не знала, откуда она взялась; тогда же ей было не до пуговиц, были бы дети при гостях нарядно одеты. И в Москве, и в Калуге маленькая Софья Круковская жила в детской даже больше, чем другие дети ее лет. Это видно из того, что в ее воспоминаниях нет ни слова о войне, которая составляла почти исключительный предмет разговоров в гостиных в половине пятидесятых годов. Тогда все дети, вертевшиеся около взрослых, говорили нараспев:

«Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом».

Ковалевская же, смеясь, признавалась, что это патриотическое стихотворение, как и другие, было ей незнакомо. Она в то время заслушивалась сказок своей няни... Последние оставили такой глубокий след в ее воображении, что много лет спустя ей снились то «черная смерть», то волк-оборотень, то двенадцатиголовый змей, и она испытывала тот же ужас, который охватывал ее в годы детства, когда она слушала эти сказки.

Вскоре сказались результаты такого во всех отношениях ненормального воспитания маленькой Софьи, и розовенькая, здоровая от природы девочка сделалась в высшей степени нервной. На нее по временам стало находить чувство безотчетной тоски; она начала бояться темноты. Ковалевская говорит, что испытываемое ею чувство было очень сложно и гораздо более походило на тоску, чем на страх; оно вызывается не собственно темнотою или какими-либо связанными с нею представлениями, а именно ощущениями надвигающейся темноты; то же ощущение охватывало ее при виде большого недостроенного дома с голыми кирпичными стенами и пустыми пролетами вместо окон.

В то же время у С. Корвин-Круковской стали появляться и другие признаки большой нервности, например доходящее до ужаса отвращение к уродствам. Она видела всегда во сне всех уродов, о которых слышала наяву. Даже вид разбитой куклы внушал ей страх. Она говорит:

«Когда мне случалось уронить куклу, няня должна была подымать ее и докладывать мне, цела ли у нее голова; в противном случае она должна была ее уносить, не показывая мне. Я помню и теперь, как однажды Анюта, поймав меня одну без няни и желая подразнить, стала насильно совать мне в глаза восковую куклу, у которой из головы болтался вышитый черным глазом, и довела меня до конвульсий».

В следующей главе мы будем говорить о переменах в воспитании, которые, к счастью, скоро последовали в доме Круковских. Но если бы Ковалевская продолжала находиться под властью няни, мы не увидели бы блестящего проявления ее природных сил; она сама говорит, что ей предстояло превратиться в болезненного ребенка. Вдобавок ко всему няня «натолковала» своей любимице, что она нелюбима родителями, особенно матерью.

Сама Ковалевская замечает: "...во мне рано развилось убеждение, что я нелюбимая, и это отразилось на всем моем характере. У меня всё более и более стала развиваться дикость и сосредоточенность». Ребенок дичился решительно всех – своих и чужих, и детей и взрослых, поэтому и с ним все были не так ласковы; няня же это толковала своей любимице по-своему. Последствия обнаружили, насколько няня была несправедлива; младшая дочь всегда была любимицей отца, и во всяком случае никак нельзя было сказать, чтобы г-жа Круковская не любила свою Соню: мать и дочь только не были близки между собою, но это обуславливалось разностью их характера. По словам своего брата, Софья и маленькая характером была вылитый отец. В самом раннем возрасте у нее проявлялись признаки сильной воли, как это видно из некоторых сохранившихся рассказов из ее детской жизни. Маленькую Софу, как и всех детей в то время, насильно заставляли есть суп, и если она упрячилась, ставили в угол. Это было самое страшное наказание, потому что бить детей у Круковских не полагалось. Раз как-то в начале обеда никак не могли доискаться Софы и наконец нашли ее где-то стоявшей в углу: она объяснила, что не хочет есть супа и зная, что за это ее поставят в угол, отправилась туда *сама*. И во взгляде, и в голосе ее была при этом такая твердая решимость, что все старшие опешили.

На преждевременное развитие Софы имела большое влияние не по летам развитая и бойкая Анюта, которая была старше ее на семь лет. Когда Анюте надоело быть с большими, она являлась в детскую к своей младшей сестренке и играла с нею. Анюта, успеш-

шая многого начитаться и многого послушаться, подчас сердилась на наивность пятилетней сестры, не имевшей понятия об идеале и смешивавшей это слово с одеялом; ей хотелось, чтобы Софа поскорей выросла и начала ее понимать, и она принялась набивать ей голову разными непонятными ей вещами. Мать, по ее словам, часто заставляла дочерей в таком положении: Анюта стоит и что-то горячо толкует Софе, трясет ее за плечи или сильно размахивает руками, а Софа, ростом вдвое меньше Анюты, смотрит на нее как-то снизу вверх и напряженно старается понять сестру. Обе девочки не любили играть в куклы; любимой их игрой было копирование отношений между господами и прислугой. В материале и образцах не было недостатка: в их детскую часто забегали горничные пить кофе и беседовать с нянюшкой. Анюта, обладавшая большим сценическим талантом, брала на себя роль прислуги, а Софе предоставляла играть скучных и важных барынь, что, впрочем, та делала охотно; няня наговорила ей, что она будет золото носить, по серебру ходить и так далее. Софа всегда восхищалась высокой, красивой и речистой Анютой и, часто видя в руках ее книги, сама захотела выучиться читать, думая найти в них все то интересное, о чем рассказывала ей Анюта. Никому не объявляя о своем намерении, она стала хватать книги и газеты, обращаясь с просьбой назвать ей ту или другую букву, и так понемногу, незаметно для всех, она к общему удивлению выучилась читать; ее, разумеется, похвалили, и отец при этом вспомнил, что Анюту нужно было заставлять учиться, а Софа вот сама выучилась. Софа вся покраснела от удовольствия, что в чем-нибудь она оказалась лучше предмета своей зависти и восхищения. Тут она поняла слабые стороны Анюты и, узнав, в чем может ее превзойти, неусыпно старалась делать это. Все говорили, что Анюта была ленива, – Софа выказывала большое прилежание к учению; Анюта была своевольна – Софа старалась быть послушной. Считая себя нелюбимой, она со свойственной ей страстностью стремилась приобрести любовь своих родителей. Вскоре она сделалась гордостью семьи и сознавала, что учится прекрасно и что все считают ее очень знающей для ее лет. Это настолько бросалось в глаза, что приехавший к ним погостить дядя – брат матери – нашел, что с такой умной барышней нельзя говорить о пустяках и начал рассказывать ей про инфузорий, про водоросли, про образование коралловых рифов. Эти рассказы приводили ее в восторг.

Лицом и манерами в то время Софья напоминала благовоспитанного ребенка из немецкой семьи. Личико у нее было очень беленькое, но тело смуглое, и в нем билось пылкое, если хотите, цыганское сердце, способное сильно страдать и сильно желать; иногда это проявлялось в поисках исключительной привязанности, в припадках сильной ревности, за которые Ковалевской бывало так стыдно, что она боялась показаться на глаза людям.

Такова была Ковалевская, превращаясь из ребенка в девочку-подростка. Она скоро вышла из детства, но своеобразность его оставила неизгладимые следы в ее характере; рано развившаяся нервность, как мы увидим, давала себя знать и в позднейшие годы ее жизни, выражаясь между прочим в склонности к суеверию. Впрочем, наряду с этим дурным влиянием было и хорошее. Благодаря няне и ее рассказам в ней развилось воображение, которое, как она сама говорила, в математике необходимо столько же, сколько и в поэзии. Не будь няни, ревниво отстранявшей француженку и привлекавшей ребенка не только баловством, но действительной любовью и лаской, первым языком Ковалевской был бы французский и она потом не нуждалась бы в русском языке и не была бы вполне русской. Очень может быть также, что строгая дисциплина в раннем возрасте не дала бы развиться многим ее индивидуальным особенностям, которые пустили такие глубокие ростки под няниным крылышком. Эта же няня прозвала свою любимицу «ясынка», и все знавшие Ковалевскую соглашались, что это было самое подходящее к ней прозвище.

Глава III

Переселение Корвин-Круковских в Палибино и перемена в образе жизни и в воспитании детей. – Воспитание Софьи англичанкой Смит. – Уроки Малевича. – Беседы младшей Корвин-Круковской с дядей-дилетантом. – Возникновение интереса к математике. – Склонность к поэзии, преследуемая воспитательницей. – Процветание умственных интересов в Палибине. – Отношение Корвин-Круковского к проявлениям математических способностей дочери. – Первое путешествие сестер Круковских за границу. – Окончание занятий у Малевича.

В 1858 году Корвин-Круковский, дослужившись до генерал-лейтенанта, вышел в отставку и поселился в своем имении в селе Палибино. Деревенская жизнь, разумеется, как нельзя лучше отозвалась на здоровье детей. Усадьба Круковских была истинно барская.

Палибино.

После войны, в конце пятидесятых годов, наряду с другими «вопиющими» вопросами возник и так называемый «женский вопрос»; о нем писали и говорили. Вероятно, под влиянием этого и Корвин-Круковский, не обращавший прежде никакого внимания на умственное развитие своих дочерей, впервые серьезно задумался над этим важным вопросом и вмешался в воспитание своих детей. Результатом этого вмешательства сначала явились неутешительные разоблачения. Ковалевская говорит в своих воспоминаниях:

«Как нередко случается в русских семьях, отец вдруг сделал неожиданное открытие, что дети его далеко не такие примерные, прекрасно воспитанные, как он полагал. До сих пор все твердили, что сестра моя чуть ли не феноменальный ребенок, умный и развитой не по летам. Теперь же вдруг оказалось, что она не только из рук вон избалована, но для

двенадцатилетней девочки до крайности невежественна, даже правильно писать не умеет по-русски».

Отец Ковалевской, не любивший полумер, произвел настоящий переворот в самой системе этого воспитания. Французенку прогнали, нянюшку отставили от детской и определили смотреть за бельем, а вместо них взяли гувернера-учителя И. И. Малевича и англичанку Маргариту Францевну Смит. Единственному сыну Корвин-Круковских было в то время три года, и учитель был приглашен для преподавания наук дочерям. Из этого видно, что Корвин-Круковские в то время считали недостаточным обыкновенное образование, получаемое девушками того времени под руководством одних гувернанток. Заметим, что Ковалевская начала серьезно учиться в тот год (1858), когда была открыта Вышнеградским в Петербурге первая женская гимназия, имевшая такое важное значение в истории женского образования в России.

Итак, в доме Корвин-Круковских воцарилось одновременно строгое воспитание и серьезное обучение. В то время как властная и выдержанная англичанка настойчиво водворяла порядок в детской, обливала каждое утро холодной водой девочку, которую до того няня кое-как умывала тепленькою водицей, тихий, созерцательный учитель старался развить в ней привычку к труду и любовь к учебным предметам. Начало своих занятий с Ковалевской Малевич описывает так:

«При первой встрече с моей даровитой ученицей, в октябре того года, я увидел в ней восьмилетнюю девочку, довольно крепкого сложения, милой и привлекательной наружности, в глазах которой светился восприимчивый ум и душевная доброта. В первые же учебные занятия она обнаружила редкое внимание, быстрое усвоение преподаваемого, совершенную, так сказать, покладистость, точное исполнение требуемого и постоянно хорошее знание уроков.

Развивая ее способности по своей методике, я не мог, однако ж, заметить при первых уроках *арифметики* особых способностей к этому предмету: все шло так, как с прежними моими ученицами. Однажды за обедом генерал спросил свою любимую дочь: „Ну что, Софа, полюбила ли ты арифметику?“ – „Нет, папочка“, – был ее ответ. „Так полюбите же ее, и полюбите больше, чем другие научные предметы!“ —сказал я с некоторым волнением. Не прошло четырех месяцев, как ученица моя почти на такой же вопрос отца сказала:

– Да, папочка, я люблю заниматься арифметикой: она доставляет мне удовольствие.

Отец улыбнулся и очевидно был рад ответу своей дочери».

Эти два ответа на предложенный отцом вопрос рисуют нам Ковалевскую серьезным, вдумчивым и правдивым ребенком. Такою же она сохранилась в воспоминании госпожи Смит, от которой нам не раз приходилось слышать: «Софу никогда не нужно было заставлять учить уроки и вообще исполнять какие-нибудь обязанности; она все это прекрасно знала сама». В деревенской тиши, при самых счастливых условиях, Софья Корвин-Круковская делала быстрые успехи: она прошла всю арифметику в два с половиной года; по словам ее учителя, к концу этого времени она отлично решала даже самые трудные задачи, и он нашел возможным пройти с нею теорию арифметики Бурдона, принятую в то время в высших учебных заведениях в Париже. Замечательно, что Ковалевская с большой легкостью и с большим интересом изучала алгебру Бурдона, и даже те отделы, которые могли служить ей с пользой только при изучении высшей математики. На середине курса алгебры учитель приступил к преподаванию геометрии. Малевич говорит:

«Прошли три-четыре года безусловно успешных занятий без всяких выдающихся эпизодов; но когда дошли мы в геометрии до отношения окружности круга к диаметру, которое я преподавал со всеми доказательствами и выводами, ученица моя, излагая *данное* на следующем уроке, к удивлению моему пришла совсем другим путем и особенными комбинациями к тому же самому выводу. Я потребовал повторить и, думая, что она не совсем поняла мое изложение, сказал, что хотя вывод верный, но не следует прибегать к решению чересчур окольным путем, а потребовал, чтобы она изложила так, как я преподавал. Не знаю, была ли она сконфужена моим неожиданным требованием или, быть может, я задел ее самолюбие, только она сильно покраснела, потупила глаза и заплакала. Я постарался успокоить ее ласковыми словами, ободрил, урезонил и, повторивши *данное*, отложил все до следующего утра. Это были первые и последние слезы ученицы за уроками во всё время моего девятилетнего ей преподавания. В тот же день я передал этот случай генералу, и когда пояснил все дело, то он, как старый математик, похвалил изобретательность своей дочери и сказал: „Молодец, Софа! Это не то, что было в мое время. Бывало рад-рад, когда знаешь хотя кое-как урок, а тут сама, да еще девочка, нашла себе другую дорогу“, – и, очень обрадованный, крепко пожал мою руку».

Из этого правдивого рассказа Малевича мы видим, как удачно начались и продолжались занятия Ковалевской математикой под руководством преданного своему делу учителя и при поощрении отца, к счастью любившего математику.

Малевич занимался также весьма старательно и толково с младшей Круковской русской словесностью и литературой, географией, всеобщей и русской историей. Он не только знакомил свою ученицу с фактической стороною, но старался главным образом развить в ней разностороннее логическое мышление. Если мы примем во внимание, что эти занятия продолжались без перерыва около десяти лет, то легко понять, какое важное значение они имели в умственном развитии Ковалевской. Вообще, можно сказать, что эти годы в деревне она вела жизнь трудовую. Сама она описывает свой день следующим образом: вставать ее заставляли рано, зимою ей приходилось расставаться с теплой постелькой почти при свечах и пить чай одной со своей гувернанткой в то время, когда все остальные члены семейства крепко спали. День начинался обыкновенно уроком музыки, который проходил в большом зале при весьма прохладной температуре зимою; посиневшими от холода пальцами девочка должна была играть гаммы и экзерсисы. Ковалевская не обладала музыкальными способностями, но на это не обращали никакого внимания и заставляли ее учиться музыке, что принесло ей некоторую пользу, увеличив привычку к труду. За уроком музыки следовали другие уроки; в 12 часов – завтрак, потом прогулка и опять уроки. После обеда приходилось готовить уроки к следующему дню. К счастью, с заданными уроками богато одаренная девочка справлялась очень скоро и успевала уйти от строгой гувернантки на верхний этаж, который принадлежал матери и старшей сестре. Мать ее имела привычку играть по вечерам на фортепьяно и играла целыми часами наизусть, сочиняя и импровизируя. У Е. Ф. Круковской было много музыкального вкуса и удивительно мягкое туше. Вообще, в царстве генеральши жилось веселее, чем внизу; там мать, старшая дочь и совсем еще маленький сын жили свободно без заботы, без труда; но Софа являлась туда только на несколько часов и потому чувствовала себя там гостьей. Сверх того, у нее все еще существовало убеждение, что мать любит ее меньше других детей; это сильно ее огорчало и удаляло от матери. Веселая, кроткая, не любившая ссор, Круковская побаивалась резкой и властолюбивой гувернантки и потому лишь изредка заглядывала в те комнаты, где та была полной хозяйкой.

В доме Корвин-Круковских вообще царствовала тишь да гладь, потому что всем было привольно и просторно; все могли жить, нисколько не стесняя друг друга. Однако и при таком просторе Софья Круковская во многих отношениях была стеснена и нисколько не избалована. Она любила читать и писать стихи, но та и другая из этих склонностей встречали противодействие в строгой англичанке; чтение она подвергла строгой цензуре, писание же стихов было совсем исключено из воспитания нормальной девочки, в какую англичанка стремилась превратить нервную Софу. Но Ковалевская с детства любила поэзию, у нее был целый мир фантазий; она говорит:

«Самая форма, самый размер стихов доставляли мне необычайное наслаждение; я с жадностью поглощала все отрывки русских поэтов, и чем высокопарнее была поэзия, тем более она мне приходилась по вкусу. Баллады Жуковского долго были единственными известными мне образцами русской поэзии; хотя у нас была обширная библиотека, но она состояла преимущественно из иностранных книг; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова в ней не было».

Памятен Ковалевской был тот счастливый день, когда, по настоянию учителя Малевича, была куплена ей хрестоматия Филонова. Она читала «Мцыри» и «Кавказского пленника» до тех пор, пока гувернантка не пригрозила отнять драгоценную книгу. Ковалевская чуть ли не с пятилетнего возраста сама сочиняла стихи, а гувернантка стремилась искоренить эту, по ее мнению, вредную привычку. Если ей попадался на глаза клочок бумажки, исписанный стихами ученицы, она прикалывала его булавкой к плечу девочки и потом при всех декламировала стихи, коверкая их и искажая. Впечатлительная Софа перестала на время писать стихи, но сочиняла их в уме и громко произносила их, играя в мячик. Особенно она гордилась двумя своими стихотворениями: «Обращение бедуина к коню» и «Ощущение пловца, ныряющего за жемчугом». О последнем стихотворении упоминает Малевич. Оно начинается так: «Бросаюсь в воду я», а оканчивалось: «Теряюсь духом я... и умираю». В стихах этих девочка старалась выразить ощущение пловца, борющегося с волнами. Очевидно, всесторонне развитый учитель с большою гуманностью относился к ученице, и она поверяла Малевичу сочиняемые ею втайне стихи.

Это раннее развитие фантазии и стремление к поэзии шли рука об руку с приобретением «положительных» знаний. В классной комнате маленькая Круковская была в высшей степени сосредоточена и серьезна, а в свободное время отдавалась фантазии и поэзии. Итак, две склонности, обыкновенно признаваемые не только противоположными, но исключаящими одна другую, уживались как нельзя лучше в Ковалевской.

Софья Ковалевская.

Нам известны многие другие математики, любившие поэзию, например Д'Аламбер, Карно, Кеплер и другие.

Склонность к математике до тех пор, пока не перешла в стремление к высшему образованию, встречала сочувствие отца, поэтому могла проявляться беспрепятственно; для удовлетворения же своего влечения к литературе Софья Круковская должна была прибегать к хитрости и вообще бороться со своей гувернанткой.

Говоря об этих двух склонностях, нельзя избежать вопроса, под влиянием каких внешних условий они проявились. Этот вопрос так часто предлагали самой Ковалевской, что на него она сама дала весьма определенный ответ:

«Первоначальным систематическим обучением математике я обязана И. И. Малевичу. В особенности хорошо и своеобразно Малевич преподавал арифметику. Однако я должна сознаться, что в первое время, когда я начала учиться, арифметика не особенно меня интересовала. Только ознакомившись несколько с алгеброй, я почувствовала настолько сильное влечение к математике, что стала пренебрегать другими предметами. Любовь к математике проявилась у меня под влиянием дяди Петра Васильевича Корвин-Круковского. Многие и долгие часы проводили мы с ним в угловой комнате нашего большого деревенского дома, в так

называемой башне, она же и библиотека. От него между прочим мне пришлось впервые услышать о некоторых математических понятиях, которые произвели на меня особенно сильное впечатление. Дядя говорил о квадратуре круга, об асимптотах – прямых линиях, к которым кривая постепенно приближается, никогда их не достигая, и о многих других совершенно непонятных для меня вещах, которые, тем не менее, представлялись мне чем-то таинственным и в то же время особенно привлекательным».

Эти рассказы наэлектризовали девочку. По счастливой случайности даже стены детской были оклеены записками по дифференциальному и интегральному исчислению Остроградского. Непонятные знаки привлекали ее внимание; она всматривалась в формулы и обращалась с вопросами к любимому дяде, который, как мы видели, сам не знал многого и не мог объяснить, но умел заинтересовать.

П. Б. Корвин-Круковский вообще был сеятелем умственных интересов везде, где он появлялся. Отец Ковалевской, хотя и был человек умный и начитанный, не отличался общительностью. Мать прекрасно знала иностранные языки, ей была знакома даже итальянская литература, она читала запоем, однако же если не было дяди ни за завтраком, ни за обедом, никто не рассыпал своих умственных сокровищ, и разговор шел вяло, ограничиваясь домашними делами. Но в присутствии дяди начиналось настоящее умственное общение между всеми членами семьи, в котором принимала живое участие и консервативная англичанка, представлявшая оппозицию всем новым в то время идеям. При этом кроткий и осторожный Малевич не высказывал своих воззрений, и если говорил, то исключительно касаясь фактической стороны.

Сама Ковалевская в своих воспоминаниях следующим образом рисует оживление умственных интересов под влиянием дяди:

«Но более всего увлекался дядя, когда нападал в каком-нибудь журнале на описание нового важного открытия в области науки. В такие дни за столом велись жаркие споры.

– А читали ли вы, сестрица, что Поль Бер придумал? – скажет бывало дядя, обращаясь к моей матери. – Искусственных сиамских близнецов понаделал, срастил нервы одного кролика с нервами другого. Вы одного бьете, а другому больно.

И начнет дядя передавать присутствующим содержание только что прочитанной им журнальной статьи, невольно, почти бессознательно украшая и пополняя ее, и выводя смелые заключения».

В памяти Ковалевской сохранилось, какую бурю подняли в их доме две статьи в «Revue des deux mondes»: одна – о единстве физических сил (отчет о брошюрах Гельмгольца), другая – об опытах Клода Бернара по вырезанию частей мозга у голубя. Она прибавляет: "... вероятно, и Гельмгольц, и Клод Бернар очень удивились бы, если бы узнали, какое яблоко раздора закинули они в мирную русскую семью, проживающую где-то в захолустье Витебской губернии».

Дядя Ковалевской несколько не представлял из себя в то время исключительной личности. Таких истинных популяризаторов науки было немало среди нашей обеспеченной интеллигенции, и везде их влияние было так же плодотворно, как в семье Корвин-Круковских. Но для нас важнее всего в данном случае, что интерес к математике возник и вырос не в классной комнате и был вызван не уроками опытного и знающего учителя, а возбужден рассказами самоучки-дяди, потому что Дядя был энтузиастом и заронил искру того же энтузиазма в душу двенадцатилетней племянницы. Любовь к литературе развилась в ней под влиянием

сестры, тоже личности увлекавшейся и со страстью предававшейся чтению. Но если интерес был возбужден не уроками Малевича по математике и словесности, то это обстоятельство нисколько не умаляет огромного значения его лекций. Интерес к предмету плодотворен только тогда, когда соединен с упорностью в труде и с основательным знанием, а первую и фундамент второго Ковалевская приобрела исключительно под влиянием Малевича. Ковалевской было около пятнадцати лет, когда она проявила удивительную самостоятельность и упорность мышления; этот случай врезался в память ее отца, а также учителя и соседа Круковских по имению, профессора физики Тыртова. Ковалевская упоминает о нем сама следующим образом:

«Тыртов привез нам как-то свой элементарный учебник физики. Я попробовала читать эту книгу, но, к своему горю, встретила в отделе оптики тригонометрические формулы. Не зная тригонометрии, сообразуясь с формулами, бывшими в книге, я попыталась объяснить себе их сама. При этом по странному совпадению я пошла тем же путем, который употреблялся исторически, то есть вместо синуса брала хорду. Для малых углов эти величины почти совпадают друг с другом. Когда я рассказала Тыртову, каким путем я дошла до объяснения тригонометрических формул, он стал горячо убеждать отца в необходимости учить меня серьезно».

Малевич говорил, что им составлен был уже план преподавания прямолинейной и сферической тригонометрии, но непредвиденные обстоятельства разрушили его намерения. Болезнь старшей Корвин-Круковской заставила в начале сентября 1866 года мать с дочерьми провести зиму в Швейцарии, в Монтрё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.